

ДОМОСТРОЙ
•
ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ
ЗЕРЦАЛО

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
Д66

Перевод, предисловие и примечания Г. С. Прохорова

Д66 **Домострой. Юности честное зерцало** / [пер., предисл. и примеч. Г. С. Прохорова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 207 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09547-3

В настоящем издании публикуются два памятника русской литературы — «Домострой» и «Юности честное зерцало», два самых известных этикетно-бытовых текста, содержащих советы на все случаи жизни: какими должны быть отношения между родителями и детьми, как вести себя в церкви, как принимать гостей, как правильно держать себя за столом, как обращаться со слугами и т. д. Эти учебники житейской мудрости неизменно вызывают читательский интерес. «Домострой», созданный в XVI веке, стал символом старой Московии; «Юности честное зерцало» (XVIII в.) изображает общественную и домашнюю жизнь человека в новой, петровской России. Они дополняют друг друга, очерчивая исторический путь России и освещая опыт минувших столетий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-517-09547-3

© Прохоров Г. С., перевод на русский язык,
предисловие, примечания, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Домострой» и «Юности честное зерцало» относятся к тем произведениям, о которых что-либо слышал всякий более-менее образованный русский человек. Однако «знание» о текстах зачастую сводится к эмоции, испытываемой при восприятии их названий. «Домостроевщина», «жизнь по Домострою» давно ассоциируется не с самим произведением, а с миром Кабанихи из «Грозы» А. Н. Островского — с примитивным, грубым, бескультурным укладом жизни. Неслучайно в одном из изданий толкового словаря русского языка С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой слово «домострой» объясняется как «патриархально суровый» или «косный». Словарь уже не дает отсылки к книге «Домострой», в отличие, например, от более раннего толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова. «Юности честное зерцало» известно чаще всего тоже понаслышке, только оно вызывает обратную эмоциональную реакцию: представления о нем связаны с Петровскими реформами, «сковавшими» домостроевщину.

О формальной известности «Домостроя» говорит и такой факт: последняя научная монография по «Домострою» вышла в 1929 году (*Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и «Домострой» // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1929. Т. 2. Кн. 1). С тех пор произведена огромная текстологическая работа, о которой свидетельствуют издания

«Домостроя», подготовленные в конце 1980-х — начале 1990-х годов В. В. Колесовым. Эти издания, вышедшие в свет на закате советской эпохи, отражают как сильные, так и слабые стороны науки того времени: педантично разработанные текстологические проблемы, с одной стороны, и невозможность показать читателю собственно мир глазами «Домостроя» — с другой. Между тем именно последнее и необходимо прежде всего непрофессиональному читателю. Многочисленные публикации «Домостроя» различными издательствами религиозной направленности также не решают указанную проблему, поскольку к тексту предлагается относиться как к нормативному документу, своду правил о благочестивой жизни, который как бы незачем комментировать, поскольку православное благочестие во все времена отстаивало одни и те же ценности. А так как «Домострой» говорит о благочестии, то в нем порой видят еще и эдакий боговдохновенный текст, русский аналог Библии. И как нельзя самовольно «обновлять» Библию, так же предлагается не переводить и «Домострой» на современный русский язык. А потому работа комментаторов обычно сводится к разъяснению каких-то отдельных и единичных слов, тогда как, по сути дела, уже необходимо пояснять контекст. Руководствуясь этим, мы предприняли попытку опубликовать не тексты (документы), а прежде всего произведения, явленные «Домостроем» и «Юности честным зерцалом».

Несмотря на лояльное и в целом даже позитивное отношение к «Юности честному зерцалу», ему не повезло даже больше, нежели «Домострою». В любой хрестоматии по литературе XVIII века обязательно встречаются выдержки из «зеркала», однако до сих пор нет ни одного его комментированного из-

дания. Не известна история создания этого памятника — обычно на этот счет ограничиваются утверждениями, что оно написано в кругу Петра I, что к его возникновению, возможно, имеют отношение преподаватель первой московской гимназии пастора Э. Глюка — И.-В. Паузе (1670—1735) и петровский фельдмаршал, один из виднейших эрудитов своего времени Я. В. Брюс (1669—1730). Нам не известны источники, используемые в «Юности честном зерцале», да и соотношение его с прежним нравоустанавливающим текстом, «Домостроем», достаточно мифологизировано.

На самом деле, перед нами два произведения, относящиеся к разным эпохам и по-разному определяющие место человека в мире да и само понятие «мир». Показать понимание человека в мире, свойственное «Домострою» и «Юности честному зерцалу», мы и постарались в предпринятом издании.

Средоточием первого публикуемого произведения служит понятие «дом». Однако это понятие чрезвычайно емкое: оно включает в себя не только жилище. Автор «Домостроя» как бы возвращается к античному видению мира, к Аристотелю, некогда предложившему термин «экономика» — буквально «искусство ведения домашнего хозяйства». И как «домашнее хозяйство» Аристотеля расширилось до той «глобальной экономики», которую мы знаем сейчас, так же и домом в «Домострое» служит и жилище, и имение, и город, и страна, и даже Вселенная. Причем все они для автора «Домостроя» одинаково являются домом, и признание в этом качестве одного места нисколько не мешает признанию других. В этом плане автор «Домостроя» как бы оказывается «собеседником» В. И. Вернадского и других «космистов». Именно «ноосфера» (сфера разума) —

это тот самый хронотоп, который лежит в сердце «Домостроя».

Соответственно, любой человек (и автор, и герой, и читатель) оказывается буквально предназначенным своему дому, он никогда не в состоянии выйти за его пределы. И поскольку человеку удобнее жить, когда его дом обустроен, то произведение и дает ему советы. А так как границы дома размыты, то «Домострой» захватывает отношения и с соседями, и с купцами, и с властями. Любое действие в отношении их («большого дома») так или иначе сказывается и на доме «малом».

Проводя опять-таки аналогию с теорией В. И. Вернадского, дом оказывается ближе не к биосфере, а именно к ноосфере. Поэтому все, происходящее с человеком, предназначено его научению. Хозяин в малом доме поучает своих жену, детей, слуг. Но сам он поучается властями и, наконец, Богом. Мир «Домостроя» — это сплошь разумный мир, потому что разумна его причина, Бог. В результате «дом» оказывается гораздо шире материальной Вселенной — это, по сути дела, любое пространство, в котором разворачивается диалог между человеком и Богом.

Возможностью такого диалога, его необходимостью объясняется ответственность человека перед домом. Человек не просто поддерживает в нем порядок, потому что так ему удобнее жить, но, как и указано в Библии, завершает своими ежедневными трудами Божье творение: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли...» [Быт. 2:4—5].

Дом и домостроительство, таким образом, оказываются символами, объединяющими человеческий микромир, ограниченный временем и пространством, и божественный макромир, которому человек был и остается предназначенным: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» [Быт. 2:15]. «Возделывать и хранить» как ничто иное адекватно устремлению автора «Домостроя». Следует действовать не из собственных побуждений, а исходя из свойственного миру порядка, который никому не дано безнаказанно игнорировать. Это стремление к порядку характерно как для описания расстановки утвари, так и для разговора о гораздо более серьезных вещах: об отношениях между людьми, между родителями и детьми, между человеком и Богом.

Жилище, храм и рай вообще оказываются разными гранями человеческого бытия. Человек был создан в раю, а значит, рай — его исконный дом. Но любой храм символизирует рай, а потому храм тоже является домом. В жилище же присутствуют иконы, в нем тоже молятся, совершают молебны, а потому жилище — это вариант и храма, и рая: «...у хороших людей, у хозяйственной жены дом оказывается всегда чистым и устроенным. В нем во всем просвечивает порядок, все удобно убрано по своим местам, чисто, хорошо подметено, их дом всячески обустроен, как будто в райходишь!» (главка 38, «Как обустроить в доме утварь, чтобы было приятно и чисто»).

Так как Бог сотворил все, «Домострой» не знает в мире ничего лишнего, чего-то, что было бы никому не нужным. Подчас может показаться, что за исполняющим советы «Домостроя» вот-вот начнет просвечивать образ Плюшкина или Коробочки из

«Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «Всевозможные остатки, камчатые, тафтяные, дорогие и дешевые, золотые и шелковые, белые и красные, а также пух, торочки, спорки, новые и ветхие, — все это пусть будет убрано» (главка 30, «О том, что умелая жена, рукодельничая, все бережет: и ткань, и остатки, и обрезки»). Однако автор не призывает хранить просто для того, чтобы хранилось. Если вещь есть, она, подобно чеховскому ружью, должна «выстрелить» и пригодиться или в собственном хозяйстве, или кому-то еще: «Возле тына, вдоль всего огорода, там, где крапива растет, сей борщевик, ибо не купишь его на рынке. С весны вари его помногу себе в еду и отдавая всякому нуждающемуся Бога ради» (главка 45, «О том, как вести огород или сад») или: «Хранить следует бережно, не мочить, не мять, сберегать от всякой пагубы, держать всегда закрытым. Регулярно хранимое пересматривают и перебирают: лучшее убирают подальше, а портящееся быстрее изводят так, как достойнее. Можно приготовить семье, а можно отдать нищим — это во спасение, тогда как сгнившее придется без всяческой пользы выбросить за ворота» (главка 53, «О хранении в сушилке»). Отсутствие в мире нейтральной пустоты переводится автором «Домостроя» в этическую плоскость: подобно тому как праведным поступкам сочувствуют ангелы и Бог, неправедные деяния тоже «нужны», но только бесам и дьяволу.

«Домострой», знающий об абсолютной целостности мира, не боится соединения, на современный взгляд, несоединимых вещей: «После молитвы следует загасить свечи и закрыть иконы занавесом, чтобы подчеркнуть их святость, а также защитить от пыли» (главка 8, «Как украсить дом свой святыми иконами и обустроить храм в доме своем»). Иссле-